

RU

Култ Семи звезд Большой Медведицы в Корее: эволюция и трансформация

Смертин Ю. Г.

Аннотация. Цель исследования – выявление основных моментов эволюции доктринальных положений и ритуальных практик китайского культа Семи звезд Северного Ковша (Большой Медведицы), проявившихся под влиянием исторических процессов, политических движений и идейных трансформаций в Корее VII–XIX вв. В статье на основе анализа исторических источников и научной литературы по исследуемой проблеме прослежена трансформация этого даосского культа под влиянием буддизма и народных верований, его популярность и значимость для корейцев самых разных социальных страт и эпох. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем на базе оригинальных источников впервые представлен комплексный анализ вероучения, важного для понимания особенностей национального мировоззрения. В результате исследования установлено, что даосский ритуал Семи звезд (кор. Чхильсон), со временем адаптированный широко распространенным буддизмом, использовался в Корее представителями разных сословий, молившихся Большой Медведице об удовлетворении своих различных желаний, таких как рождение ребенка, долголетие, материальное благосостояние, перерождение в буддийском раю.

EN

The cult of the Seven Stars of the Northern Dipper in Korea: evolution and transformation

Y. G. Smertin

Abstract. The study aims to identify the key stages in the evolution of the doctrinal tenets and ritual practices of the Chinese cult of the Seven Stars of the Northern Dipper (Ursa Major) as they manifested under the influence of historical processes, political movements, and intellectual transformations in Korea from the 7th to the 19th centuries. Based on an analysis of historical sources and relevant scholarly literature, the transformation of this Taoist cult under the influence of Buddhism and folk beliefs, as well as its popularity and significance for Koreans of various social strata and eras, are traced. The scientific novelty of the study lies in the fact that, utilizing primary sources, it presents the first comprehensive analysis of a doctrine that is vital for understanding the distinctive features of the Korean national worldview. The study found that the Taoist ritual of the Seven Stars (Chilsong), eventually adapted by widespread Buddhism, was used in Korea by representatives of various social classes, who prayed to the Big Dipper for the fulfillment of various desires, such as the birth of a child, longevity, material well-being, and rebirth in a Buddhist paradise.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена, прежде всего, отсутствием в отечественной историографии работ, анализирующих феномен культа Семи звезд (Чхильсон) в Корее, который имеет важное значение для понимания национального мировосприятия в прошлом и настоящем. К тому же эволюция его идейных основ тесно связана с культурными и политическими процессами, происходившими на Корейском полуострове в течение многих веков, что позволяет по-новому взглянуть на историю населяющего его народа и переосмыслить некоторые устоявшиеся представления о культурной «пропасти» между взглядами на мир конфуцианской элиты и простонародья.

Для достижения вышеуказанной цели требуется решение следующих задач:

- реконструировать историю возникновения и основные постулаты даосского культа Северного Ковша в Китае;
- воссоздать процесс проникновения даосизма на Корейский полуостров, адаптацию культа Семи звезд к местным культурным и социальным условиям в ранний период корейской государственности;

– проанализировать процесс трансформации культа и его слияния с буддийскими ритуалами и народными верованиями в эпоху Чосон, в условиях идеологического господства неоконфуцианства.

Методологической основой статьи служит принцип историзма, в соответствии с которым события и факты рассматриваются в их развитии, взаимной связи, обусловленной трансформацией общественного сознания Кореи в обозначенный период. Применение историко-системного метода позволило проследить эволюцию религиозного почитания Семи звезд в ее взаимосвязи с трансформацией политических и социальных процессов, происходивших в корейском обществе с первых веков новой эры до конца XIX в. Среди специально-научных методов в исследовании использован социокультурный метод, с помощью которого проблема формирования и развития культа Северного Ковша рассмотрена как культурный и социальный феномен.

В качестве материалов исследования привлекались китайский, корейский и японский летописные своды (Сыма Цянь, 1986; Ирён, 2018; Нихон сёки, 1997); буддийские руководства по проведению ритуала Чхильсон (太上玄靈北斗本命延生真經 [Истинное писание...], 2025; 作法龜鑑 [Зеркало ритуальных практик], 1979); сборник биографий видных деятелей и литературных эссе корейского ученого XIII в. Ли Гюбо (東國李相國集 [Литературный сборник...], 2007).

Теоретическую базу работы составляет совокупность научных исследований, посвященных культу Северного Ковша в Корее. В отечественной историографии не существует академических работ, в которых анализируется корейский культ Чхильсон. Косвенное отношение к нашей теме имеет статья М. В. Инсаровой (2021), рассматривающей место божеств Северного Ковша в китайской религиозной системе. Западные ученые также не проявили глубокого интереса к данной теме. Особняком стоит статья Ф. Херберта (Herbert, 1990), исследующего важную буддийскую сутру о продлении жизни через поклонение Северному Ковшу с точки зрения присутствия в ней даосских элементов. В других работах, посвященных религиям и культуре Кореи, этот феномен рассматривается вкратце с другими религиозными системами и в основном фрагментарно (Covell, 1998; Covell, 1981; Mollier, 2008). Наибольший интерес к культу Семи звезд как религиозному и социальному феномену проявляют корейские исследователи. Собственно говоря, западные корееведы во многом опираются на работы корейских ученых и их источниковую базу. Наиболее развернуто изучаемая нами проблема отражена в работе Ким Сонук (Kim Seong Uk, 2023), исследующего буддийские ритуалы, связанные с поклонением Северному Ковшу в XV–XIX вв. Он уделяет особое внимание различным ритуальным руководствам культа, его влиянию на религиозное поведение различных слоев общества и приходит к выводу, что его интеграция с буддизмом в ранний период корейской истории сделала почитание Семи звезд весьма популярным как среди простолюдинов, так и среди политической и интеллектуальной элиты (Kim Seong Uk, 2023). Ян Чонсун (양종승, 2017) считает, что этот культ не пришел на Корейский полуостров вместе с китайским даосизмом в начале новой эры, а существовал задолго до этого как исконный шаманистский ритуал. В работе Ким Ёнтэ (김용태, 2019) исследуется процесс «буддизации» народных верований и культа Семи звезд с акцентом на то, что эти религиозные традиции трансформировались в процессе взаимодействия с буддизмом и в конечном итоге слились с ним. Существует целый ряд работ, авторы которых изучают доктринальные и ритуальные основы данного вероучения, его связь с другими религиями, многовековую эволюцию в контексте взаимоотношений даосизма, буддизма и шаманизма (Jung Jae-seo, 2000; Kim Nak-pil, 1998; Yu Chai Shin, 1977; Kim Soyeon, 2018; 정변조 [Чхон Пхёнчжо], 1991).

Практическая значимость статьи определяется возможностью использования ее материалов и выводов для дальнейшего изучения рассматриваемого религиозного феномена. Также они могут стать частью образовательных курсов по истории и религиям Кореи.

Обсуждение и результаты

История возникновения и основные постулаты даосского культа Северного Ковша в Китае

Култ, связанный с созвездием Большой Медведицы, уходит своими корнями в китайскую древность и связан с даосизмом. Поклонение Северному Ковшу (*Бэй доу*) является важной частью этого религиозного учения. Данная система верований связана с древней китайской астрономией, которая позже была интегрирована даосизмом и приобрела глубокий теологический смысл. В этой системе семь звезд Северного Ковша – это не просто небесные тела, а могущественные божества, определяющие космический порядок и человеческие судьбы.

Согласно «Историческим запискам» («Шицзин») историографа Сыма Цяня (145–86 гг. до н. э.) (Сыма Цянь, 1986), Северный Ковш считался небесной колесницей верховного божества Шан-ди, проживающего в Пурпурном дворце (*Цзы-гун*) и направляющего ход Вселенной. Созвездие управляет такими фундаментальными процессами, как чередование Инь и Ян, смена четырех времен года и баланс пяти первоэлементов, присутствующих во всех явлениях мира (Сыма Цянь, 1986, с. 116). Это центр неба и вертикальная ось мира.

Почитание Северного Ковша в рамках даосизма направлено на защиту от злых духов и сил мрака, профилактику болезней и т. п., поскольку считается, что созвездие обладает сильной энергией. Китайцы совершали магические ритуалы, читали молитвы, зажигали благовония для умиротворения этих божеств с целью сохранения и обретения долголетия и даже бессмертия (Торчинов, 2017, с. 85; Инсарова, 2021, с. 12–13).

Известно, что даосизм в Китае гармонично сосуществовал с конфуцианством и буддизмом, образуя т. н. Три учения (*сань цзяо*) – синкретический комплекс, в котором эти религиозно-философские системы влияли друг на друга, идейно обогащались и воспринимались как взаимодополняющие стороны единого мировоззрения.

Конфуцианство регулировало общественные отношения, буддизм предлагал пути духовного самосовершенствования, даосизм упорядочивал отношение человека к природе и собственному здоровью. Конфуцианство как этическое учение не было религией как таковой, а вот буддизм и даосизм существовали в китайском социуме в тесной взаимосвязи (Mollier, 2008, p. 136-138).

Адаптация даосизма и культа Семи звезд в раннесредневековой Корее

Вопрос о времени появления даосизма в Корее остается дискуссионным. Некоторые историки, прежде всего корейские, считают, что это произошло в начале новой эры, когда на Корейском полуострове существовали три государства – Когурё, Пэкче и Силла, – испытывавшие китайское культурное влияние (Jung Jaeseo, 2000, p. 796). Однако общепризнано, что заметным присутствие даосизма становится в первой половине VII в., когда китайская династия Тан (618-907), покровительствовавшая этой религии, пыталась распространить ее за пределы Срединной империи.

Наиболее восприимчивым к этому религиозному учению оказалось государство Когурё – самое развитое в политическом и культурном планах. В 624 г., как повествует один из главных источников по ранней истории Кореи «Самгук юса» («Оставшиеся сведения о трёх государствах»), китайский император Гао-цзю направил миссию с целью ознакомить корейского правителя и его окружение с даосизмом. Она привезла главные даосские сочинения «Дао дэ цзин» и «Чжуан-цзы», а также изображение Тайшан Лаоцзюня – верховного божества, который ассоциировался с Лао-цзы, легендарным основателем учения (Ирён, 2018, с. 476-477). Король Когурё проявил заинтересованность и в 625 г. отправил посла в Китай для углубленного изучения этой религии. В некоторых буддийских храмах были устроены даосские святилища (정변조 [Чхон Пхёнчжо], 1991, с. 232-235).

Более глубокое знакомство когурёсцев с даосизмом произошло в правление короля Поджана (642-668), решившего, что в его государстве, как и в Китае, должно быть «три учения» – конфуцианство, буддизм и даосизм. В ответ на просьбу короля в 643 г. из Китая прибыли даосские учителя школы Маошань, которой покровительствовали танские императоры. Миссионеры устраивали ритуалы поклонения знаменитым горам и рекам в Когурё, под их руководством создавались места отправления культов. В школе Маошань значительное внимание уделялось магии, талисманам, методам психотехники, визуализации духов, что роднило ее с корейским шаманизмом. Поэтому учение не выглядело чем-то чуждым для корейского мировоззрения, а популярность даосизма в Китае делала его распространение в Когурё, создававшем государственно-политическую систему по китайскому образцу, делом большой важности. Даосизм (кор. *mxogŏ*) приспособлялся к туземному шаманизму, и создавались основы для их синтеза. Местная мифология пополнилась даосскими небожителями, небесными феями, рассказами об эликсире бессмертия (Толстокулаков, 2002, с. 39). Вместе с даосизмом пришли сведения о китайской медицине, что еще больше усиливало позиции новой религии.

Значительно меньше свидетельств о даосизме в государстве Пэкче. Нет упоминаний о храмах и церемониях на государственном уровне. В то же время даосские идеи, видимо, получили известность среди образованных людей довольно рано. Произошло это в правление короля Кын Чхого (346-375). В японской летописи «Нихон сёки» содержится запись о приезде в 602 г. монаха из Пэкче по имени Квангын, который познакомил японцев с китайскими премудростями даосского происхождения: «Он преподнес книги по календарю, астрономии, географии, а также книги по искусству становления невидимым и по магии» (Нихон сёки..., 1997, с. 93). Из этого можно предположить, что некоторые идеи и образы даосизма, пришедшие с китайской культурой, имели хождение в Пэкче.

В Силла, третьем государстве этого периода, даосизм также не получил официального признания, но, судя по некоторым сведениям, его идеи были известны силланским интеллектуалам еще в ранний период государства. Актуальным оставался и культ Семи звезд. В «Самгук юса» есть краткое упоминание о том, что Ким Юсин (595-673), видный корейский военачальник и политический деятель государства Силла, внесший большой вклад в объединение Корейского полуострова в конце периода Трех королевств, «с рождения... был наделён талантами [от всех] семи планет, [и] поэтому [на его] спине был узор [в виде] семи звёзд» (Ирён, 2018, с. 272).

Некоторые корейские исследователи, в частности Ян Чонсун (양종승 [Ян Чонсун], 2017), полагают, что поклонение Чхильсону не пришло вместе с китайским даосизмом, а являлось исконной религиозной традицией, в основе которой был шаманизм. При этом он ссылается на исторические документы, шаманские ритуалы и археологические находки, подтверждающие, что этот культ появился «задолго до начала влияния даосизма на Корейском полуострове и существовал параллельно с даосским» (양종승 [Ян Чонсун], 2017, с. 35). По-видимому, это действительно так. Поклонение Большой Медведице существовало у самых разных народов Северного полушария с глубокой древности, поскольку это созвездие – самое заметное и легко различаемое на ночном небосклоне. В нем видели ковш, медведицу, раковину, колесницу небесных лошадей и многое другое. К тому же «неподалеку» находится Полярная звезда – центр мира, неподвижная, в отличие от других звезд, зрительно вращающихся вокруг нее. Поэтому можно согласиться с мнением корейского ученого, но это параллельное существование продолжалось сравнительно недолго, поскольку туземный шаманистский культ со временем слился с более развитой даосской традицией, а также с буддизмом, о чем речь пойдет ниже.

Для государства Объединенное Силла (668-935), распространившего власть на весь полуостров, танский Китай стал моделью во всех областях. Уровень китаизации среди образованного класса был самым высоким в китайской культурной зоне. Это был «золотой век» буддизма в Корее, но и даосизм не был забыт, так как оставался частью китайского культурного комплекса. В корейских источниках этой эпохи рассказывается о поездке

в танский Китай трех корейцев, которые обучались даосизму у известного учителя Чунь Личуана. Один из них остался в Поднебесной, продолжил обучение и до конца своих дней (ум. в 857 г.) находился на китайской государственной службе. Двое других вернулись в Корею и распространяли идеи своего наставника (Kim Nak-pil, 1998, p. 106-107). Многие образованные люди, обучавшиеся в то время в Китае, испытали влияние даосизма и через них в Корею проник культ «бессмертных-сяней». Вскоре знание «Дао дэ цзин» стало проверяться на государственных экзаменах на чиновничьи должности, что способствовало его популяризации.

Однако адепты силланского даосизма более всего были сосредоточены на практическом применении – вере в возможность обретения вечной юности, бессмертия – и на тренировке ума (도교와 한국 문화 [Даосизм и корейская культура], 1989, с. 16). Весьма популярным в народном сознании становится образ даосской богини Сиванму (кор. *Сованмо*), «Владычицы Запада», которая живет на мифической горе Куньлунь в нефритовом дворце. Раз в три тысячи лет в ее саду созревают персики бессмертия. У корейцев, которые всегда были озабочены здоровьем и долголетием, Сованмо стала ассоциироваться с вечной юностью, красотой и бессмертием. Изображенная в виде проплывающей в облаках прекрасной женщины в придворном костюме, она стала любимым образом корейского искусства. Отдельно, в качестве символа бессмертия, изображались легендарные персики (Covell, 1981, p. 39).

В конце IX в. объединенное королевство Силла, раздираемое внутренними противоречиями и гражданской войной, вступило в период упадка. На смену ему пришло государство Корё (918-1392), официальной религией которого стал буддизм. Однако происходило и усиление позиций даосизма, причем, как и раньше, инициатива в этом принадлежала правителям новой династии, которые хотели воссоздать на корейской почве китайский комплекс «трех учений». Первый король Тхэджо (918-943 гг. правл.) построил специальное здание, называвшееся Киётан, в котором проводились даосские ритуалы. Его преемники продолжили эту практику. Самый ранний такой ритуал, известный по историческим записям, был проведен в 1048 г. во дворце короля Мунджона (Kim Seong Uk, 2023, p. 61). Подобные мероприятия в даосском стиле во имя сохранения государства и долголетия короля осуществлялись и в дальнейшем.

Существует полный текст молитв для отправления даосских и буддийских ритуалов Чхильсону, составленный на ханмуне (кореизированной форме древнекитайского письменного языка) известным конфуцианским ученым Ли Гюбо (1169-1241 гг.). Одна из них буддийская – «Молитва Северному Ковшу за процветание страны», другая – даосская, более конкретная, направленная на отражение вторжения армии чжурчженей (東國李相國集 [Литературный сборник...], 2007).

Изображения семи звезд обнаружены в гробницах членов королевских и аристократических семей, что свидетельствует о вере корейской элиты в способность Чхильсона управлять вопросами жизни и смерти. В «Корёса», древнем историческом труде, посвященном истории династии Корё, сообщается о проводившихся высокопоставленными лицами жертвоприношениях звездам, горам и рекам, молениях о благополучии государства и королевской семьи. Особые симпатии к даосизму проявлял король Еджон (1105-1122 гг. правл.), пытавшийся придать даосизму государственный статус. По его просьбе из сунского Китая в начале XII в. прибыли даосские монахи, которые руководили возведением храма Поквонгун неподалеку от королевского дворца. Он был открыт в 1100 г., и в нем стали проводиться государственные религиозные службы, главным содержанием которых было поклонение Небу, Земле, горам и рекам Кореи (Kim Nak-pil, 1998, p. 114; Yu Chai Shin, 1977, p. 192).

Практическое уравнивание властями даосизма и буддизма привело в религиозной сфере к определенному даосско-буддийскому синтезу на основе шаманизма. Зримым примером этого является построенный на территории дворца короля Инджона (1122-1146 гг. правл.) храм Пхальсинтан, в котором были помещены рядом изображения шаманистского Горного духа (Сансина), даосского небожителя и бодхисаттвы (Yu Chai Shin, 1977, p. 193). Все вместе они защищали страну и заботились о ее благополучии.

Даосские идеи и практики проникали в народные верования, переплетались с буддизмом и шаманизмом и становились верой, дающей надежду на достижение долголетия и счастья. Влияние даосизма на шаманизм, основу народных верований, было особенно сильным. В шаманских алтарях появляются изображения даосских божеств. Сансин, главное божество корейского шаманизма, стал изображаться в виде даосского небожителя с соответствующими символами, в частности, с посохом и персиками бессмертия, веером из перьев и т. д. Шаманизм воспринял и культ Семи звезд: боги-звезды присутствовали в шаманских алтарях, их просили об урожае, о мужском потомстве и богатстве (Covell, 1998, p. 80). Примечательно, что они изображались в китайских одеждах, что свидетельствует о заимствовании символики из даосизма. Под влиянием даосизма в обиход входят бумажные амулеты (*пуджок*) с написанными на них молитвами и мистическими диаграммами для отвращения злых духов. Считалось, что слепой шаман может вылечить болезни, помещая изображения даосских божеств на двери комнаты больного и повторяя цитаты из даосских книг.

Существовало и обратное влияние, поскольку, как и в Китае, «даосизм охотно черпал материал из народных верований, которые зачастую в даосизированном виде возвращались в исконную среду своего бытования» (Торчинов, 2017, с. 33). Таким образом даосские идеи и практики проникали в народные верования, переплетались с буддизмом и шаманизмом и становились верой, дающей надежду на достижение долголетия и счастья. Можно констатировать, что уже в период Корё был разработан и стал складываться ритуал почитания Семи звезд.

Поклонение Северному Ковшу в эпоху Чосон: буддийско-даосский синкретизм

Культ Семи звезд широко распространился в государстве Чосон при правлении династии Ли (1392-1910 гг.), хотя и ушел из практики государственных религиозных церемоний. Новые власти, равняясь на китайскую династию Мин, сделали государственной идеологией неоконфуцианство (кор. *соннихак*), интеллектуальное течение, возникшее в Китае периода династии Сун и связанное прежде всего с именем Чжу Си (1130-1200 гг.). Это рациональное учение, ставшее догмой в среде корейской политической и интеллектуальной элиты, враждебно относилось ко всяческим мистическим проявлениям религиозной мысли. Большинство даосских ритуалов, в т. ч. и ритуал Чосон, были исключены из официальной системы обрядов. Такая же политика проводилась и в отношении буддизма, оказавшегося на периферии общественной жизни. При короле Тхэджо (1392-1398 гг. правл.) многие храмы были закрыты, их земли и имущество конфискованы. Буддийским монахам был запрещен въезд в столицу во время правления короля Седжона (1418-1450). Различные «вредные» последствия буддизма были предметом постоянных дискуссий среди интеллектуалов эпохи Чосон (Kim Soyeon, 2018, p. 139). Но буддизм оставался религией простолюдинов, т. е. большей части общества. При этом он вбирал в себя идеи шаманизма и даосизма и превращался в синкретическое учение.

Интеллектуальный ригоризм элиты был чужд народу. В период раннего Чосона (XIV-XVI вв.) даосская вера в долгожительство и бессмертие овладела широкими слоями корейского общества. Это стало возможным благодаря распространению т. н. благих книг, которые ввозились из Китая. Есть сведения, что в период правления короля Тхэджона (1400-1418 гг.) из минского Китая было ввезено 600 таких книг. В них в популярной форме излагались даосская этика, правила морального поведения и объяснялось, что добродетель неразрывно связана с долгожительством и бессмертием (Kim Nak-pil, 1998, p. 133). Здесь нашлось место и буддийским этическим ценностям, таким как благотворительность, любовь ко всем живым существам и т. п. Все это должно было обеспечить счастье на земле и бессмертие на небесах. В домах широко использовались даосские мистические письмена, изображения божеств, что должно было отвращать зло и болезни. Были восприняты некоторые сексуальные практики, способствующие долголетию. Вера в бессмертие подразумевала также даосский ритуал поклонения звездам Северного Ковша, а молитвы «Дому Семи звезд» могли помочь рождению мальчика. С начала эпохи Чосон этот культ стал преобладающим в народном даосизме, растворяясь в многообразии культурных аспектов.

Чосонский буддизм как религия, не скованная жесткими догмами, воспринял многие элементы даосизма и шаманизма. Последний также трансформировался в процессе взаимодействия с буддизмом и в конечном итоге слился с ним. Этот синкретизм имел объективные причины. Народные религии были маргинализированы и поэтому должны были опираться на буддизм для расширения своего религиозного пространства, в то время как буддизму приходилось искать более действенные способы привлечения новых последователей и, таким образом, расширять свою социальную базу (김용태 [Ким Ёнтэ], 2019, с. 75). Конечным результатом этого процесса стало храмовое пространство, демонстрирующее сосуществование двух традиций посредством буддизации этих культов.

В большинстве буддийских храмов стали сооружать специальное здание, называвшееся *Самсон-гак* (алтарь Трех духов), в котором были выставлены изображения небуддийских божеств. Кроме Сансина здесь присутствовал некто Токсон, представленный в виде медитирующего в горах седовласого старика с длинными белыми бровями. В шаманских ритуалах он выступал защитником людей от различных опасностей, но мог и навредить, если его не задобрить. В период Чосон образ Токсона подвергся даосизации; он стал изображаться вместе с одним или двумя мальчиками, которые держали поднос с даосскими символами удачи, долголетия и бессмертия. Это были плоды граната, символизирующие многочисленное потомство, персики бессмертия из сада Сованмо, волшебные грибы *пуллоххо*, продлевающие жизнь. На картинах в алтарях Трех духов изображалась группа из семи старцев в китайских одеждах, занимавшая центральное место. Перед ними отправлялся культ Семи звезд. Святым старцам молились всем вместе, прося потомства, здоровья, процветания и долголетия. Почитание Северного Ковша становилось частью корейского буддизма (Covell, 1998, pp. 71-74, 82). Поклонялись Северному Ковшу и в отдельных помещениях, называемых Чхильсон-гак (Зал Семи звезд). Святилище представляет собой небольшое строение с черепичной крышей, которое обычно располагается слева и позади главного храмового здания (Grayson, 2002, p. 138).

В сохранившихся буддийских материалах периода Чосон можно найти свидетельства включения даосского культа Семи звезд Северного Ковша в ритуальную практику этой религии. Прежде всего это текст, основанный на китайском апокрифическом сочинении «Истинное писание о продлении жизни через поклонение таинственной божественности Северного Ковша» (太上玄靈北斗本命延生真經). Оно написано частично стихами, частично прозой и представляет собой трактат о божестве Чхильсона, который включен в даосский канон священных писаний. Этот труд, как считается, был составлен в Китае во времена династии Тан и в последующие века дополнялся комментариями.

В «Истинном писании» перечисляются земные и кармические блага, которые люди могут получить благодаря Семи звездам Северного Ковша: выздоровление от болезней, защиту от стихийных бедствий и злых духов, удачные роды, продвижение по государственной службе, хорошие урожаи, а также перерождения в следующей жизни в Чистой земле (буддийском раю). Для приобретения таких преимуществ необходимо совершить подношения Чхильсону, воскурить благовония, призвать его и молиться о благополучии живых и умерших членов семьи, о процветании королевского дома и достижении всеми живыми существами состояния Будды. Эта буддийская сутра заимствовала элементы культа Северного Ковша, найденные в даосских

текстах, и облекла их в буддийскую форму и таким образом сделала приемлемыми для буддистов – как мирян, так и священнослужителей (Herbert, 1990, pp. 96-100).

Аристократы, преданные неоконфуцианству, желая осуществления своих обыденных и возвышенных целей, не были чужды поклонению Семи звездам в его буддийском изложении, чему есть немало свидетельств в период позднего Чосона (XVII-XIX вв.). Известный чиновник Ким Носун (1762-1837), живя в изгнании в провинции Кёнсан, сочинил благопожелательную для себя молитву Чхильсону и в день Нового года и своего дня рождения попросил монаха прочитать ее в своем присутствии. Королевский придворный Ким Пхёнхак (1821-1879) практиковал культ Большой Медведицы, молясь о долголетьи и удаче (Kim Seong Uk, 2023, p. 68).

Изображения Семи звезд в их божественном облики помещались во многих буддийских храмах в отдельных святилищах. Многие из них были построены на пожертвования мирян, в том числе и аристократов. Некоторые представители конфуцианской элиты, ученые, чиновники, жертвовали крупные суммы денег на строительство таких храмов, полагаясь на буддийские ритуалы с даосистской составляющей как на средство достижения своих разнообразных целей (Kim Sung-Eun, 2020, p. 50). Храм Северного Ковша в Тосонса (провинция Кёнгидо) был построен в 1863 г. на средства высокопоставленного чиновника Ким Чхвэгына, происходившего из могущественного клана андонских Кимов (Kim Seong Uk, 2023, p. 69).

Сложный ритуал поклонения Большой Медведице в буддийских храмах описан в сборнике «Зеркало ритуальных практик» (作法龜鑑, 1979, с. 586-598), составленном учителем Пэпха Кынсоном в 1826 г. по просьбе своих учеников. Он создал одно из наиболее полных буддийских руководств по культу Северного Ковша, которое является связующим звеном между буддизмом и народными даосскими культами. Ритуальное действие состоит из пяти этапов.

Первый этап включает в себя очищение места проведения ритуала, во время которого монах-священник воскуривает благовония и окропляет ивовыми ветками, смоченными в воде, алтарь, символизирующий Авалокитешвару (бодхисаттву, страдающего людям). После завершения процесса очищения руководитель церемонии приглашает Чхильсон.

Второй этап начинается с вызывания по очереди семи татхагат – будд нынешней калпы (периода существования Вселенной от ее рождения до разрушения) и прошлых калп. Всем им предлагают сесть и выпить чая. Затем вызываются Семь звезд-божеств (Чхильсон) и восхваляются за их особую силу. Это т. н. Великие владыки звезд Северного Ковша (*Бэй-доу синцзюнь*), имеющие антропоморфный вид: Тхамнан (кит. Танлан), дарующий разнообразные добродетели; Комун (кит. Цзюймэнь), устраняющий трудности и препятствия; Нокчон (кит. Луцунь), избавляющий от кармических препятствий; Мунгок (кит. Вэньцзюй), исполняющий желания; Ёмджон (кит. Ляньчжэнь), устраняющий моральные загрязнения; Мугок (кит. Уцзюй), исполняющий желания, и Пхагун (кит. Поцзюнь), дарующий долголетие. Им тоже предлагается чай.

На третьем этапе Семи звездам рецитируются различные дхарани (вербальные формулы, произнесение которых может способствовать благопожелательному преобразованию действительности), представляющие собой китайскую транскрипцию санскритских дхарани, состоящих от одного до семнадцати слогов. В заключение исполняется «Шурангама дхарани», очищающая умы людей, рассеивающая темные силы и негативную карму.

Четвертый этап включает в себя исполнение «Дхарани Северного Ковша» (кит. *Бэйдоу чжоу*) из даосского сочинения «Истинное писание о продлении жизни через поклонение таинственной божественности Северного Ковша». В переводе оно звучит так: «Звёзды Северного Ковша и Великий бог Центрального Неба восходят в Золотой дворец, нисходят на гору Куньлунь. Великие владыки (в корейском изложении Тхамнан, Комун, Нокчон, Мунгок, Ёмджон, Мугок, Пхагун) вместе с Нефритовым Императором и Императором Пурпурного дворца распространяют порядок и управляют небом и землей. Даже мельчайшая пылинки не избежит гнева Великого Небесного царства. Любые бедствия оно устранил и любые благословения ниспошлет. Праведная энергия Ци Изначального Императора, приди и соединишься с моим телом. Посмотри на Северный Ковш, он постоянно присутствует днем и ночью. Простой человек, любящий Дао и стремящийся к духовной силе, желает увидеть твою возвышенную форму и навсегда сохранить своё долголетие» (Kim Seong Uk, 2023, p. 74).

То, что Пэпха включил даосское дхарани в руководство по буддийским ритуалам, свидетельствует об определенной популярности даосских писаний в период Чосон, находивших отклик в сердцах значительной части народа.

Следующая процедура включает в себя повторение 108 раз четырнадцати синографов, обращенных к Чхильсону. Это звуки, за которыми стоят определенные слова. Первые семь – *кве* (кит. *куй*), *чхак* (кит. *чжоу*), *хван* (кит. *хуань*), *хэн* (кит. *син*), *пхиль* (кит. *би*), *по* (кит. *фу*), *пхё* (кит. *пьяо*) относятся к каждой из семи звезд. Последние семь синографов – *чхон* (кит. *цзунь*), *чхе* (кит. *ди*), *кып* (кит. *цзи*), *кып* (кит. *цзи*), *ё* (кит. *жу*), *юль* (кит. *люй*), *рён* (кит. *лин*) – использовались в даосских ритуалах для обеспечения немедленного действия молитвы (Pu Mu-chou, 2018, p. 78). Это обращение к Великим владыкам обеспечить скорое исполнение молитв и пожеланий, высказанных ранее.

Пятый этап – это заключительный ритуал, во время которого отдаются почести приглашенным семи божествам и произносятся прощальные слова благодарности. Кульминацией действия является сжигание бумажных денег, пожертвованных участниками ритуала. Произносятся соответствующие дхарани. Используя «Зерцало» наставника Пэпха для ритуала, посвященного Семи звездам, различные слои населения могли загадывать свои земные и более возвышенные желания.

Долголетие, материальное благополучие, процветание семьи и т. п. – это вечные желания людей. Поклонение Северному Ковшу продолжалось в последующие эпохи. Происходит оно и сейчас в целом ряде буддийских храмов: Попчукса (пров. Чхунчхон-Пукто), Тонимса (пров. Кёнсан-Намдо), Хвэомса (пров. Чолла-

Намдо), Чикчиса (пров. Кёнсанп-Пукто, Сангёса (пров. Кёнсан-Намдо, Вольчонса (пров. Канвондо) и других местах (Chilseong-gak..., 2020). Чаще всего современные корейцы молятся о рождении ребенка, успешной сдаче школьных экзаменов, богатстве, долгой жизни в отдельных помещениях – Залах Семи звезд. Изображение Великих владык звезд Северного Ковша занимает центральное место на главном алтаре, возвышаясь над Горным духом Сансином и Ёнваном (Королем-драконом). Внешний вид Чхильсона зависит от художественной цели, которую ставил перед собой художник, поэтому он может выглядеть как шаманистские, буддийские, даосские или конфуцианские божества.

Заключение

Култ Семи звезд Северного Ковша имеет китайское происхождение и связан с религиозным даосизмом – важной составляющей древней китайской картины мира. Согласно источникам, китайцы верили, что это созвездие обозначает центр неба и направляет все базисные процессы во Вселенной. Для людей его почитание, ритуалы поклонения гарантировали сохранение и преумножение здоровья, достижения долголетия и, в сочетании с другими практиками, даже возможность стать бессмертной сущностью, небожителем (*сянем*).

На Корейский полуостров идея почитания Семи звезд пришла с даосизмом в период Трех государств (Силла, Пэкче и Когурё) вместе с китайским культурным влиянием. Наибольшее распространение даосские идеи и этот култ получили в королевстве Когурё, чему способствовала верховная власть, создававшая государство по китайским образцам. Даосизм приспосабливался к местным культурным условиям, основой которых был шаманизм.

В эпохи Объединенного Силла и Корё господствующей религией становится буддизм, также пришедший из Китая. Но даосские идеи, как и в Поднебесной, стали интегральной частью духовного комплекса трех учений: конфуцианства, буддизма и даосизма. Они проникали в народные верования, что привело к определенному даосско-буддийскому синтезу с элементами шаманизма. Култ Семи звезд имел своих последователей среди разных слоев общества, людей, озабоченных обретением здоровья и долголетия. В этот период разрабатывается ритуал поклонения Северному Ковшу.

Дальнейшая трансформация культа происходила в эпоху Чосон, в условиях господства ригористического неоконфуцианства, ставшего государственной идеологией. Правящая элита всячески притесняла мистические буддизм и даосизм, исключила ритуал поклонения Северному Ковшу из официальных обрядовых церемоний. Однако вера в долгожительство, счастье на земле и бессмертие на небесах получила широкое распространение среди простого народа. В этих условиях корейский буддизм стал включать в свою ритуальную практику элементы культа Чхильсон. Буддийские руководства по проведению ритуала поклонения Северному Ковшу обещали самые разнообразные земные блага и даже перерождение после смерти в буддийском раю. В эпоху Чосон этот даосский култ стал интегральной частью корейского буддизма.

Перспективой дальнейшего исследования является комплексный анализ эволюции культа Семи звезд на основе более широкого круга источников с целью выяснения взаимовлияния этого религиозного феномена и буддийской школы Сон – главного направления в корейском буддизме с X в. и важного культурообразующего фактора. Также научный интерес может быть направлен на изучение проблемы распространения верования в современной Южной Корее.

Материалы исследования | Research materials

1. Ирён. Оставшиеся сведения [о] трёх государствах (Самгук юса) / пер. с ханмуна Ю. В. Болтач. СПб.: Гиперион, 2018.
2. Нихон сёки. Анналы Японии: в 2 т. СПб.: Гиперион, 1997. Т. 2.
3. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи): в 9 т. / пер с кит. Р. В. Вяткина. М.: Наука. 1986. Т. 4.
4. Chilseong-gak – The Seven Stars Hall: 칠성각. 2020. <https://koreabridge.net/post/chilseong-gak---seven-stars-hall-칠성각-dostoevsky2181>
5. 太上玄靈北斗本命延生真經 (Истинное писание о продлении жизни с помощью таинственной божественности Северного Ковша). <https://zh.wikisource.org/zh-hant/太上玄靈北斗本命延生真經>
6. 作法龜鑑 // 韓國佛教全書 (Зеркало ритуальных практик // Полное собрание корейских буддийских тестов): в 12 т. Сеул: Изд-во университета Донгук, 1979. Т. 10.
7. 東國李相國集 (Литературный сборник министра Ли из Восточной страны). <https://db.itkc.or.kr/search/group?q=query†Tongguk%20Yi%20sangjuk%20chip%20東國李相國%20%5BLiterary%20collection%20of%20Chan-集cellor%20Yi%20of%20theEastern%20country>

Источники | References

1. Инсарова М. В. Место божеств Северного Ковша в китайской системе верований (на примере 北斗七真君) // Культурный код. 2021. № 3.
2. Толстокулаков И. А. Очерк истории корейской культуры. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2002.

3. Торчинов. Е. А. Путь золота и киновари: даосские практики в исследованиях и переводах Е. А. Торчинова. СПб.: Пальмира, 2017.
4. Covell A. S. Folk Art and Magic. Shamanism in Korea. Seoul: Hollym Corporation; Publishers, 1998.
5. Covell J. C. Korea's Cultural Roots. Seoul: Moth House-Hollym, 1981.
6. Grayson J. H. Korea: a religious history. Richmond: Routledge Curzon, 2002.
7. Herbert F. The Taoist Elements in the Buddhist Great Bear Sūtra (Pei-Tou Ching) // Asia Major. 1990. Vol. 3. No. 1.
8. Jung Jae-seo. Daoism in Korea // Daoism Handbook / ed. by L. Kohn. Boston: Brill, 2000.
9. Kim Nak-pil. Taoism in Korea: A Brief Introduction // Reader in Korean Religion. Songnam: The Academy of Korean Studies, 1998.
10. Kim Seong Uk. Buddhist Rituals of Ch'ilsŏng, the Seven Stars of the Great Dipper, in Chosŏn Korea // Journal of Korean Religions. 2023. Vol. 14. No. 1.
11. Kim Soyeon. The Unwritten Ritual: The Duality of Religion in Sixteenth-Century Chosŏn Korea // Domestic Devotions in the Early Modern World / ed. by M. Faini, A. Meneghin. L.: Brill, 2018.
12. Kim Sung-Eun T. The Chosŏn Gentry Sponsorship of Buddhist Temple Works: Insights from the Records of Late-Chosŏn Donor Ledgers // Journal of Korean Religions. 2020. Vol. 11. No. 2.
13. Mollier Ch. Buddhism and Taoism Face to Face: scripture, ritual, and iconographic exchange in medieval China. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2008.
14. Pu Mu-chou. Daily Life in Ancient China. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
15. Yu Chai Shin. Korean Taoism // Korean and Asian Religious Tradition. Toronto: University of Toronto Press, 1977.
16. 도교와 한국 문화 (Даосизм и корейская культура). Сеул, 1989.
17. 정변조. 한국 종교 사상 (Чхон Пхёнчжо. Корейская религиозная мысль: буддизм и даосизм). Сеул, 1991.
18. 양종승. 무교의 칠성신앙과 도교의 칠성신앙고찰 // 한국무속학 (Ян Чонсун. Исследование верований в Семи звезд в корейском шаманизме и даосизме. Корейская шаманистика). 2017. No. 34.
19. 김용태. 조선후기 불교와 민간신앙의 공존 양상—산신·칠성 신앙의 불교화 (Ким Ёнтэ. Сосуществование буддизма и народных верований в период позднего Чосона: буддизация верований в Сансина и Чхильсона // Korean Journal of Buddhist Studies). 2019. Vol. 61.

Информация об авторах | Author information

Смертин Юрий Григорьевич¹, д. ист. н., проф.

¹ Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Yuri Grigorievich Smertin¹, Dr

¹ Kuban State University, Krasnodar

¹ my@jusmerten.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 26.06.2026; опубликовано online (published online): 24.07.2026.

Ключевые слова (keywords): Чхильсон; даосский культ; Семь звезд Северного Ковша; религиозный синкретизм; народные верования; Chilsong; Taoism; Seven Stars of the Northern Dipper; religious syncretism; folk beliefs.